

«Самодельный человек»: опыт А.А. Зиновьева

«Я готов признать нормальным мое социальное окружение, а себя – отклонением от нормы» [1, с. 1]

Есть люди, в которых непостижимым образом сочетаются и переплетаются линии и образы исторического времени. Эти люди во всем разнообразии своих жизненных практик выражают нечто главное, присущее их исторической эпохе. Таким человеком, безусловно, был и остается Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) – уникальный русский мыслитель уникальной советской эпохи. Он был плоть от плоти открытого им homo soveticus и одновременно живым воплощением теоретической рефлексии создавшего его советского «коммунистического» общества. Сам Зиновьев писал об этом так: «...крупнейшие события советской истории [я] переживал в гораздо большей степени как события личной жизни». В которой «главным» стало «осознание и переживание великого исторического процесса, происходившего на моих глазах» [1, с. 3].

Неуемная жажда познания, «объективно беспощадного» [8], устремленного к «истине» – «любой ценой, <...> не считаясь ни с чем» [2]. И <...> жизнь, захватывающая полностью, целиком, по законам «коммунальности» в «деловых клеточках коммунизма» [6, с. 91–96]. Еще в детстве на него наклеили символический ярлык «врага народа» за фамилию «Зиновьев». С одиннадцати лет он ютился в подвальной десятиметровой комнате с родственниками, имея спальное место на ящиках в коридоре. «Моя жизнь складывалась так, – вспоминал Зиновьев, – что я чуть ли не до пятидесяти лет не имел не то что своего рабочего кабинета, но даже письменного стола». И далее: «Мне часто приходилось наблюдать и испытывать на себе проявление самых гнусных качеств человеческой натуры... Я знаю, что самим фактом своего существования и деятельности я вызывал раздражение и негативные эмоции у многих людей...» [1, с. 1].

Казалось бы, безвыходная ситуация, своего рода апория, не имеющая положительного разрешения. Тем более в духе самого Зиновьева, разработавшего собственную теорию социального познания – свою «логическую социологию» [7]. Человек обречен жить так, как ему диктуют «законы социальности» – законы «экзистенциального эгоизма». В условиях социальной организации коммунистического типа они обретают свою полную силу, возводят коммунальность в тотальный принцип человеческих отношений. Совсем как, например, в городе «Ибанске» – «ником не населенном пункте» [4, с. 3]. Его обитатели все на одно лицо и носят одну фамилию «Ибанов». Их жизнь полностью абсурдна. Все попытки придать ей смысл и объяснить разумно бесполезны, поскольку ибанцы в своем «теоретизировании» не в состоянии выйти за пределы «коммунального» конформизма.

Карпов Алексей Петрович, кандидат социологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: intelligent1951@mail.ru

Мало бы кого удивило, если бы Зиновьев за созданный им «Ибанск» угодил в «психушку». Но воздержались. В те годы (во второй половине 70-х годов XX века) на Западе разворачивалась кампания против использования в СССР психиатрии в борьбе с диссидентами. Кроме того, Зиновьев уже получил международное признание за свои новаторские работы в области логики. За него просили государственные деятели Европы. В итоге приняли решение о его высылке за границу [11, с. 386–390]. Однако уже скоро, в годы советской «перестройки», и на Западе Зиновьева стали называть «сумасшедшим» – за крайне негативное отношение к любимцу западных интеллектуалов М.С. Горбачеву и его разрушительной «катастрожке» [5].

Зиновьев оставался Зиновьевым. Он непоколебимо следовал принципу говорить бескомпромиссную правду как результат «беспощадного» знания. Он знал, какую реакцию она вызывает и как к этому относиться. Он не боялся быть «отклонением от нормы». Еще в юношеские годы в нем сложилось самоощущение, выраженное в формуле «Я сам себе Сталин». Позже она приняла вид «Я сам себе государство». «Такая ориентация сознания, конечно, повлияла существенным образом на весь ход моей жизни, сделав главным в ней события и эволюцию моего внутреннего государства, моей внутренней вселенной» [1, с. 3].

Путь к преодолению апории между императивом научности социального познания и реальностью жизни по законам «экзистенциального эгоизма» был найден. Он состоял в уходе во внутреннее дистанцирование – построении «теории человека-государства» в социальном контуре советской коммунальной жизни. «Для такого человека как я, – отмечал Зиновьев, – суверенное личное государство было возможно лишь в самом потоке жизни... в этом состояла трудность проблемы. Я не утверждаю, что я эту проблему решил. Я лишь утверждаю, что всю свою сознательную часть жизни бился над ее решением» [1, с. 3].

По сути, это была борьба за себя, за свою индивидуальность и свободу. Только в этом случае открывалась возможность познать и понять советское общество изнутри как собственную «жизненную драму» [1, с. 3]. «Многие люди причиняли мне зло». Но оно рассматривалось Зиновьевым как «проявление свойств самого строя жизни людей, использующего их лишь как свои орудия» [1, с. 3]. Отсюда следовало, что познание общества неразрывно связано и с познанием зла. Полученное знание – знание социального зла – должно стать главным средством его преодоления.

Надо ли напоминать, насколько важен этот вопрос для русского самосознания. У Достоевского он один из центральных. Борьба добра со злом сопряжена у него с исследованием тайных глубин человеческой природы. Неслучайно Бердяев называет его «великим антропологом», а его романы – «антропологическими трактатами» [9, с. 217]. Суть его антропологии – в двойственности, противоречивой динамике светлого и темного в самой душе человека. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [10, с. 123].

Познание глубинной полярности божественной природы человека открывает путь к познанию зла и его преодолению внутри себя. Человек достигает внутренней свободы в отношении зла. В этом состоит его подлинная победа над злом [9, с. 224–225]. Стало быть, борьба со злом – это сложное, внутренне противоречивое движение к образу Бога в человеке, к его духовной свободе. Человек Достоевского трагичен. Его губит страсть, чувственная любовь как высшее проявление его полярной сущности. Погружение в ее глубины всегда катастрофично и губительно для человека.

Герои «социологических романов» Зиновьева также во власти страсти – страсти познания реальной жизни, ее социальной природы. Оно тоже влечет к трагедии – социальному знанию о трагической судьбе русского народа, дерзнувшего избрать иной, коммунистический путь социальной эволюции [3].

Социальная детерминированность зла рождает социальное отчуждение. Социальный отщепенец «обрекается на эту роль... в силу его взаимоотношений с социальным строем страны, с ее системой власти и с идеологией. Социальный отщепенец является одиночкой, бунтующим против своего социального окружения» [1, с. 4]. Борьба в одиночестве нуждается в сильной, глубокой мотивации. У Зиновьева она питалась верой в силу разума, производящего строгое, подлинно научное знание, способное побудить к изменениям общество и, следовательно, человека. И принятым им внутренним кодексом чести – этикой «суверенного личного государства», защищавшего его индивидуализм, личную свободу и независимость в научном творчестве.

Нельзя избавиться от влияния жизненных обстоятельств. В этом горькая правда социальности человека. «Но я, – пишет Зиновьев, – в гораздо большей мере <...> противился обстоятельствам, всю жизнь упорно шел против потока истории. Я сам творил себя в соответствии с идеалами, которые выработал сам. И в этом смысле я есть *самодельный человек* [курсив мой – А.К.] <...> который шел против всего, против всех» [1, с. 4].

Зиновьев воспроизвел полярность человека, открытого Достоевским. Но в его социальной сущности. Она рациональна, и в то же время ее структура содержит иррациональное начало: творческую свободу, без которой недостижимо само рациональное научное знание. Это особенно важно в социальном познании, где ее подавление, как показал опыт Зиновьева, способствует формированию комплекса социального отчуждения и появлению феномена «самодельного человека». Таков, как представляется, главный урок жизненного подвига А.А. Зиновьева, его бескомпромиссного служения науке, истинному знанию во имя сохранения России, исторической судьбы русского народа.

Литература

1. *Зиновьев Александр*. Советская эпоха: Исповедь отщепенца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=153651&p=2> [дата обращения 12.02.2023].
2. Александр Зиновьев. Завещание: Хроникально-документальный фильм [Электронный ресурс] / реж. Е. Григорьев; 2006. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/6685208284807527391> [дата обращения 12.02.2023].
3. *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 507 с.
4. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: АСТ; Астрель, 2010. 768 с.
5. *Зиновьев А.А.* Катастрофка, повесть о перестройке в Партграде. Горбачевизм. М.: Канон+, 2022. 320 с.
6. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.
7. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.
8. *Зиновьев А.А.* Я советую одно: думайте, думайте, думайте!: интервью радиостанции «Говорит Москва» 3.04.2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/8251803262567373815> [дата обращения 12.02.2023].
9. *Бердяев Н.А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. М.: Книга, 1990. С. 215–233.
10. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский // Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. С. 5–572.
11. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016. 749 с.

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть феномен «самодельного человека» А.А. Зиновьева, воспроизводящего традицию изучения полярной природы человека в русской мысли.

Ключевые слова: апория Зиновьева, законы социальности, коммунальность, «человек-государство», социальное зло, человек Достоевского, социальный отщепенец, самодельный человек.

Alexey P. Karpov, PhD in Sociology; Associate Professor, I.N. Ulyanov Chuvash State University.
E-mail: intelligent1951@mail.ru

“Self-made Man”: the Experience of A.A. Zinoviev

Abstract. In the article the author attempts to reveal the phenomenon of the “self-made man” introduced by A.A. Zinoviev that renders the tradition of studying the polar nature of man in Russian thought.

Keywords: Zinoviev's Aporia, Laws of Sociality, Communality, “Man-State”, Social Evil, Dostoevsky's Man, Social Renegade, Self-made Man.

